

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА

LXVI

МУХАММАД РИЗӀА БАРНӀБӀДИ

ТАЗКИРЕ

(„ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ“)

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА, ПЕРЕВОД
С ПЕРСИДСКОГО, ВВЕДЕНИЕ
И ПРИМЕЧАНИЯ Н. Н. ТУМАНОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин, А. Н. Волдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), И. С. Брагинский, Г. Ф. Гирс (зам. председателя), В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деопик, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. Й. Каримов, А. Н. Кононов (председатель), Е. Й. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели, Э. Н. Темкин (отв. секретарь), Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян

Ответственный редактор
Ч. А. Байбурди

«Памятные записки» — семейная хроника, история феодального гератского рода с начала XV в. до первых десятилетий XIX в. В рукописи приводятся копии жалованных грамот, а также писем представителей рода барнабадских владетелей различным государственным чиновникам. «Памятные записки» содержат также обширный материал по вопросам образования, культуры, условий жизни феодала среднего достатка.

М КБ-13-45-84
013(02)-84 0503000000-117

Муҳаммад Риза Барнабодӣ
ТАЗКИРЕ

(«Памятные записки»)

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор В. В. Волгина. Младший редактор И. И. Исаева

Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор М. В. Погоскина
Корректор Г. П. Каткова

ИБ № 14769

Сдано в набор 12.05.83. Подписано к печати 24.05.84. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. п. л. 29,0. Усл. кр.-отт. 31,00. Уч.-изд. л. 31,61. Тираж 2000 экз. Изд. № 5203
Зак. 3098 Цена 5 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Полный список книг, изданных в сериях «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» в 1959—1976 гг., опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий 1959—1976». М., 1977. Очередные издания серий, вышедшие в свет в 1977—1983 гг.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА.
ПЕРЕВОДЫ»

- IV. 'Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776—1798). Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг. М., 1978.
- VI, 2. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подолия. М., 1978.

речения из сочинения
евод и комментарии.

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 4 (оборот титула) допущены ошибки в книготорговом индексе и в знаке охраны авторского права. Индекс следует читать:

М 0503000000-117
013(02)-84 КБ-13-45-84

Знак охраны авторского права следует читать:
© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ВОСТОКА»

вказа на арабском,
адписи X—XX вв.
комментарии, статья

еревод с тибетского,
овича. М., 1978.
дань го чжи). Пере-
и приложения

- XXXVIII. Лес категорий. Неизвестная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, предисловие и комментарий К. Б. Кепинг. М., 1983.
- XLII. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах (Хокуса монряку). Перевод с японского, комментарий и приложение В. М. Константинова. М., 1978.
- XLVII. Абӯ Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере (Ихйа' 'удум ад-дин). Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В. В. Наумкина. М., 1980.
- XLIX. Сунь цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, введение, комментарий, грамматический очерк и словарь К. Б. Кепинг. М., 1979.
- LII. Бухарский вакф XIII века. Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А. К. Арендса, А. Б. Халидова и О. Д. Чехович. М., 1979.

- LIV. Мйрзā Бадй-дйвāн. Маджма^с ал-аркām («Предписания фиска») (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания А. Б. Вильдановой. М., 1981.
- LV. Юань Мэй. Новые [записи] Цы Се (Синь Цы Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман. М., 1977.
- LVI. Баоцзюань о Пу-мине. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Стуловой. М., 1979.
- LVII, 1. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. Факсимиле. Издание текстов, перевод с китайского, исследование и приложения Л. И. Чугуевского. М., 1983.
- LVIII. Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении»). Исследование, перевод с ханмуна, примечания и приложения Л. Р. Концевича. М., 1979.
- LIX. Краткая история Вьета (Вьет пы лыок). Перевод с вьеняня, вступительная статья и комментарий А. Б. Полякова. М., 1980.
- LX. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди («Чондимонгол»). Перевод с бенгальского, вступительная статья, комментарий и указатели И. А. Товстых. М., 1980.
- LXI. Альфонсо. Мэйашпёр 'ақбб («Выпрямляющий кривое»). Факсимиле рукописи Британского музея. Издание текста, перевод с древнееврейского, введение и глоссарий Г. М. Глускиной. Комментарий Г. М. Глускиной, Б. А. Розенфельда и С. Я. Лурье. М., 1983.
- LXIII. Абу-л-Кāсим аз-Захравй. Трактат о хирургии и инструментах. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с арабского, предисловие и примечания Э. М. Буниятова. М., 1983.
- LXVII. Хилāl ас-Сабй. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). Перевод с арабского, предисловие и примечания И. Б. Михайловой. М., 1983.
- LXIX. Хусрав ибн Мухаммад Банй Ардалāн. Хроника. (История курдского княжеского дома Банй Ардалāн). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Е. И. Васильевой. М., 1984.
- LXX. Ямато моногатари (Повесть о Ямато). Перевод с японского, исследование и примечания Л. М. Ермаковой. М., 1982.
- LXXI. Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Издание текста, перевод с тибетского, исследование, комментарий и приложение Л. С. Савицкого. М., 1983.
- LXV. Заново составленное пинхуа по истории пяти династий (Сяньбянь у-дай ши пинхуа). Перевод с китайского, исследование и комментарий Л. К. Павловской.
- LXVIII. Хипам ад-Калбй. Книга об идолах (Китāб ал-аснām). Перевод с арабского, предисловие и примечания В. В. Полосина.
- LXXII. Курдские народные песни из рукописного собрания ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Издание текста, перевод, предисловие и примечания Ж. С. Мусаэлян.
- LXXIII. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. Издание текстов, перевод, комментарий и введение Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятовской.
- LXXIV. Рашйд ад-Дин Вагвāt. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хадā'иқ ас-сиҳр фи дақā'иқ аш-ши'р). Перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

- XXXII, 3. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Том III. Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Р. В. Вяткина.
- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Том IV. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина.
- LXI. Мела Махмūd Байазйдй. Тавзрйх-и қадйм-и Курдистāн («Древняя история Курдистана»). Том I. Факсимиле рукописи. Издание текста, предисловие и указатели К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян.
- LXIV. Бяньвэнь по Лотосовой сутре. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Л. Н. Меньшикова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ	29
Примечания	201
ПРИЛОЖЕНИЕ	217
Библиография	218
Указатель имен	222
Указатель географических названий	228
Указатель этнических названий	231
Указатель терминов и непереведенных слов	232
Указатель названий сочинений	234
SUMMARY	235
ТЕКСТ	241

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые «Памятные записки» (*Тазкире*) Мухаммада Ризы Барнабади представляют собой мемуары провинциального гератского помещика, составленные в первые годы XIX в. Произведения этого жанра сравнительно немногочисленны, однако в персоязычной литературе ко времени, когда наш автор взялся за перо, существовала устоявшаяся традиция их составления. Заметная и почетная роль в сложении этой традиции принадлежала гератскому литературному кругу¹. Как и в других подобных произведениях, изложение в *Тазкире* ведется в хронологической последовательности, причем по мере приближения ко времени жизни автора его рассказ становится все более полнокровным, насыщенным фактами.

Событиям XVIII в. посвящено более двух третей «Памятных записок». Здесь автор выходит за рамки жанра с его узкосемейным бытописанием. Эта часть сочинения должна расцениваться как важный исторический и историко-культурный памятник Афганистана. В описании событий периода феодальных междоусобиц в районе Герата на рубеже XVIII—XIX вв., которые автор наблюдал лично, Мухаммад Риза достаточно добросовестен и надежен, что, разумеется, не исключает определенной тенденциозности его изложения. Существенно при этом обстоятельство, что в отличие от произведений придворной историографии *Тазкире* отражает интересы местной провинциальной знати.

Тазкире до некоторой степени восполняет пробел в историографии Афганистана и с социально-экономической точки зрения. Данные «Памятных записок» этого направления можно разбить на три группы.

Во-первых, в *Тазкире* приведены копии семи жалованных грамот султанов и шахов, владевших районом Герата, представителям рода автора. Грамоты датированы 1580, 1638, 1688 гг., две грамоты 1759 г., по одной 1763 и 1770 гг. Приведена грамота начала XVIII в., которой старший в роде производил раздел земель и имущества между своими сыновьями и дочерьми. В грамотах

¹ Об этой традиции см.: А. Н. Б о л д ы р е в. Мемуары, с. 205.

указываются масштабы землевладений, называются отдельные участки и поместья².

Во-вторых, в сочинении Мухаммада Ризы приводятся конкретные цифры стоимости пленников, коней, сельскохозяйственных продуктов и инвентаря, ковров, тканей, сосудов, бумаги, книг, лекарств и т. д. и т. п.

В-третьих, в различных местах *Тазкире* разбросаны сведения об аренде земель, мельниц, лавок, мастерских; об извозе и найме лошадей; о торговле, ссудах, залогах, платежах и др.

Эти в подавляющем большинстве конкретные данные позволяют судить о формах феодального землевладения и землепользования, о налогах, повинностях, поставках; получить представление о различных сторонах ведения хозяйства среднего феодала, воссоздать картину его замкнутого быта. Важно отметить, что сведения такого рода почти невозможно отыскать в объемистых исторических хрониках, посвященных афганским шахам, как потому, что придворные хронисты не уделяли этим вопросам должного внимания, так и в силу своеобразия условий жизни в долине Герируда, заметно отличавшихся от горных районов Южного Афганистана, где находились центры афганской государственности — Кабул и Кандагар.

Немаловажно значение труда Мухаммада Ризы и как историко-культурного памятника. Мы находим в нем материалы для суждения о круге мусульманской образованности в XVIII в. в Герате на примере нашего автора. Говоря о своем обучении, автор очерчивает круг школьных знаний (см. ниже). В «Памятных записках» есть ссылки на ряд исторических трудов и косвенные свидетельства о знакомстве Мухаммада Ризы с историей Средней Азии в самом обширном понимании этого слова. Очевидно, Мухаммад Риза также неплохо разбирался в географии Афганистана, Средней Азии, Ирана и Индии. Он хорошо знал арабский язык и свободно цитировал Коран, через который был знаком с библейскими легендами; смолоду слышал предания, связанные с именами мусульманских, главным образом шиитских, святых. Особо следует остановиться на литературном образовании Мухаммада Ризы. Целый ряд известных сочинений на персидском языке и имена персидских и таджикских поэтов-классиков, встречающиеся в *Тазкире*, показывают, что полученное им литературное образование вошло в плоть и кровь нашего автора. Он сам писал стихи. В них проявляется его любовь к поэтическому слову, уважение к нему и даже попытка найти в нем защиту в тяжелую минуту.

² Лишним доказательством в пользу суждения о добросовестности Мухаммада Ризы является то, что почти все мелкие географические наименования грамот найдены нами в сочинении XV в. Хафиз-и Аbru.

Стихотворные интерполяции *Тазкире*, составляющие примерно пятую часть всего текста, можно разделить на несколько видов в зависимости от их назначения. Наиболее многочисленны по количеству мелкие стихотворные вставки — одна строка или двустишие — бейт. Они рассыпаны по всему тексту, и редкая страница обходится без нескольких таких вставок. Их задача — иллюстрировать мысль автора, выраженную в прозе, поэтическим образом, сравнением, цитатой из классического произведения того или иного знаменитого поэта. Один из видов таких вставок — хронограммы, т. е. стихи, буквы которых имеют числовое значение, позволяющие прочнее запомнить важную дату — день рождения или кончины, закладки фундамента или завершения постройки и т. п.

Газели и касыды, цитирующиеся в *Тазкире* или полностью приведенные в нем автором, принадлежат либо его предкам, либо ему самому. Многие стихотворения из диванов его предков имеют отвлеченный характер, в том числе большие касыды на религиозные темы. Часть стихов написана по совершенно конкретному поводу: например, отказ от должности, в связи с переписыванием Корана и т. п. Стихи автора в подавляющем большинстве имеют целевое назначение. Они содержат просьбы, жалобы, восхваления власти имущего, написаны в надежде устроить свои дела, по торжественному либо скорбному поводу (например, элегия на смерть отца).

Большое число образцов произведений представителей рода автора — поэтов средней руки, пользовавшихся определенной известностью у современников, придает «Памятным запискам» значение не только историко-культурного, но и литературного памятника. Эти образцы дают материал для изучения круга поэтов, вносящих свою лепту в формирование литературных традиций. Вместе с тем и в «литературной» части *Тазкире* — в поэтических произведениях предков автора и его самого — могут быть почерпнуты сведения исторического плана, например, в них немало данных о людях, игравших заметную роль в жизни гератского общества.

В *Тазкире* содержатся также копии писем представителей рода автора к различным лицам, занимавшим в основном крупные посты в государственных образованиях на территории провинции. Эпистолярные произведения, представленные в *Тазкире*, заслуживают самого пристального внимания по нескольким причинам. Прежде всего, это особая область творчества. К письму подходили как к литературному произведению, в котором стремились проявить свою образованность, эрудицию, знакомство с высоким слогом и стилем, не ограничивались обиходным словарным запасом, а прибегали к малоупотребительным формам. Поэтому для многих писем характерна изощренность, вычурность слога. Образность писем под стать образности поэтических произведений

(нередки письма в стихах). Все это подчас затрудняет их понимание. Смысл письма иногда заключается лишь в том, чтобы справиться о здоровье, напомнить о себе, послать привет, но это сделано в столь витиеватых выражениях, авторы писем прибегают к столь завуалированным намекам, сравнениям, образам, цитатам из классических произведений, что перевод их связан с особыми трудностями и известный интерес они представляют главным образом для текстологов и историков культуры как выражение духовной жизни определенных кругов общества.

Для историков больший интерес представляют письма более простые с точки зрения текста, но более содержательные, отправленные по какому-либо конкретному поводу, — письма-запросы, письма-предупреждения, напоминания, приглашения и т. п.

* * *

Тазкире Мухаммада Ризы Барнабади вошло в фонд Азиатского музея (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения Академии Наук СССР) в 1901 г. Ранее рукопись находилась в составе коллекции, проданной бывшему Азиатскому музею бухарским книгопродавцом мир Салихом Миракбаевым. В приобретении коллекции, осуществленном в два этапа (в 1900 и в 1901 гг.), приняли участие русские представители в Бухаре И. В. Игнатъев и Я. Я. Лютш³.

Внешний вид списка можно представить по его факсимильному воспроизведению — почерк насталик, 17 строк на странице (л. 45а — 18 строк, л. 45б и 61аb — 19 строк), размер текста 23—23,5 × 13—13,5; размер рукописи 29,5 × 20,7. Восточная пагинация, выполненная малиновыми чернилами; при пагинировании допущены две ошибки: пропущены л. 43 и 44, а л. 93 обозначен дважды. Европейская пагинация карандашом сделана, очевидно, во время инвентаризации рукописи в Институте востоковедения в 1936 г.

Текст сочинения занимает 111 л.; всего в рукописи 119 л. (05 + 111 + 003).

В рукописи много приписок. На полях — главным образом стихотворные вставки; на свободных листах 05а и 001б — сведения, тематически и хронологически продолжающие нить изложения автора. Первые в своем большинстве принадлежали Мухаммаду Ризе Барнабади, вторые — его сыну и племяннику. Оба вида приписок составляют значительные дополнения к основному тексту — в общей сложности примерно 10—12 страниц⁴.

³ Архив АН СССР, ф. Азиатский Музей, из письма И. В. Игнатъева К. Г. Залеману. Таким образом, ранее высказанное предположение об Э. К. Гартъе как посреднике не подтвердилось, см.: Туманович. Семейная хроника, с. 172, примеч. 4.

⁴ Ср. Туманович. Семейная хроника, с. 174—175.

Бумага рукописи европейского (основной текст) и русского (подклеенные при реставрации листы) производства⁵. Текст писан черными восточными чернилами, условно называемыми тушью, заголовки, отдельные фразы, иногда имена и даты — кияварью. Кустоды имеются только на 55 листах.

Переплет позволяет сделать интересное наблюдение. Это типичный *мукавва*⁶, оклеенный зеленой глянцевой бумагой с красными тисненными пальметтами и медальоном на крышках; пальметты содержат имя переплетчика Мулла Йулдаш и дату — 1287/1870-71 год. Корешок переплета и края крышек выполнены из тонкой красной кожи. Наш переплет имеет одну обращающую на себя внимание особенность: соотношение его сторон примерно 3 : 2 вместо обычного для *мукавва* соотношения 2 : 1, что подтверждает высказанное нами предположение о том, что наш список, выполненный в Гератской области, хранился в семье автора в расшитом виде и лишь впоследствии был переплетен уже в Средней Азии⁷.

Список реставрировался: л. 01—04 и 002—003 вставлены позже; л. 1 наклеен на чистый лист бумаги, подклеены края л. 2, 109—111. Возможно, эта работа была выполнена одновременно с переплетением рукописи.

Дефекты: отсутствует окончание сочинения, имеются лакуны после л. 38, 58, 106. При переплетении списка листы были перебиты; правильный порядок: л. 1—38, 40—44, 46—51, 45, 52—106, 39, 107—111. В тексте на л. 22а, 24а, 46б, 44б отдельные строки не заполнены; на л. 04а стерты и заклеены отпечатки маленьких овальной и восьмиугольной печатей.

На полях листов, содержащих копии грамот, имеются отпечатки двух круглых печатей диаметром 45 и 35 мм. Легенды содержат обращения к Аллаху и дату — 1217/1802-03 г.

⁵ Европейская бумага имеет водяные знаки VB, GA, FT; русская — тиснение: «Фабрики № 6 Сергеева».

⁶ Слово *мукавва* — букв. «папка», «картон». Как термин *мукавва* означает переплет рукописи, выполненной в Средней Азии, в частности, в XVIII — начале XIX в. Материал для переплета — картонные крышки, оклеенные внутри и снаружи бумагой. Бумага внутри, как правило, розовая, матовая; снаружи — глянцевая, в подавляющем большинстве зеленого цвета, хотя встречаются красные, желтые, синие *мукавва*. Корешок — кожаный, почти у всех переплетов красный. На крышках — пальметты и медальоны, чаще всего в виде неправильных ромбов. Тиснения обычно выполнены в контрастных тонах — у наибольшего числа рукописей — зеленые крышки с красными пальметтами и центральным медальоном большего размера. Кроме медальонов крышки украшались тисненными рамками, уголками, прямоугольниками. Тисненные фигуры в зависимости от вкуса переплетчика имеют правильную либо неправильную форму, например скругленные стороны. Многие переплетчики ставили на крышке тиснение со своим именем и датой работы. Помимо этого тиснение часто содержит изречения, стихи. Отличительная особенность переплетов *мукавва* — соотношение сторон по вертикали и горизонтали — 2 : 1.

⁷ Туманович. Семейная хроника, с. 175.

Наша рукопись С 402 (прежний шифр 267d) — один из трех пока известных науке списков *Тазкире*. О второй рукописи этого сочинения, находящейся в Историческом обществе в Кабуле, сообщил в журнале «Агуана» А. Н. Харави⁸. Судя по другой публикации Ма'ила Харави, где приводятся в качестве иллюстраций фотографии первой и последней страниц этого списка, она во многом отличается от нашей рукописи С 402⁹. Кабульская рукопись меньше по формату, уже в первых строках есть пропуски сравнительно с нашей; там имеется *унван*, в нашей рукописи отсутствующих. Характерно, что почерк в обеих рукописях весьма сходен, что позволило М. Харави считать и ту и другую автографами. По словам Ма'ила Харави, кабульская рукопись дефектная. Он не пишет, в чем заключается эта дефектность, но сообщает, что из-за этого недостатка решил отказаться от публикации полного текста, тем более что подробности о движимом и недвижимом имуществе Мухаммада Ризы «не представляют интереса для читателей»¹⁰.

По-видимому, кабульская рукопись, как и наша, не окончена. В нашем списке С 402 изложение обрывается на середине фразы (л. 106б); на последних л. 107—111 — копии писем автора, непосредственно не связанные с предыдущим текстом. На фотографии кабульской рукописи четко видно, что здесь переписан фирман 1204/1790 г. (в нашей С 402 отсутствует). По аналогии с нашим списком весьма вероятно, что этот фирман не связан с предыдущим текстом и уж во всяком случае не является концом сочинения, которые обычно оформлялись специальным колофоном¹¹.

Ма'ил Харави имел возможность познакомиться и с третьим списком *Тазкире*, находящимся в частном владении¹². При этом он утверждает, что при жизни Мухаммада Ризы со слов автора было записано шесть списков, которые ради сохранности находились «у друзей семьи»¹³.

Изучение рукописи *Тазкире* было начато с научного описания, выполненного Н. Д. Миклухо-Маклаем. Исследователь особо подчеркнул «значительный интерес сочинения» как источника для изучения истории Гератской области в XVI—XVIII вв., указав, что документы, содержащиеся в списке, «могут быть весьма полезны для изучения феодального землевладения в Хорасане» в этот период¹⁴.

⁸ Мухаммад Анвар Найар Харави. Йаддаштх-ай Барнабади.

⁹ См.: Ма'ил Харави, фотографии на с. 69.

¹⁰ Там же, предисловие, с. 2.

¹¹ Ср. фотографию первой страницы — начало текста оформлено заставкой.

¹² Сопоставив эти три списка, Ма'ил Харави находит наш список С 402 «заслуживающим пристального внимания».

¹³ Ма'ил Харави, с. 55.

¹⁴ Миклухо-Маклай. Описание, с. 63.

Опубликованная Ма'илом Харави в 1969 г. книга¹⁵ имеет подзаголовки титульных листов на персидском и английском языках, которые показывают, что он ставил своей задачей пересказать биографии членов семьи Мухаммада Ризы и остановиться на литературном творчестве «барнабадских мирз». И действительно, в книге приведены обширные выписки из сочинений старших Барнабади. Особенно большое внимание уделил Ма'ил Харави творчеству Аршада Барнабади (XVII в.): помимо больших цитат по *Тазкире* Мухаммада Ризы им опубликована поэма Аршада Барнабади *Абр-и гаузарбар*, неоднократно упоминаемая в *Тазкире* без приведения ее текста. В своем издании Ма'ил Харави обращает внимание читателей на каллиграфическое искусство владельцев Барнабада, воспроизводя факсимиле их почерков.

* * *

Название родового гнезда нашего автора встречается в различных формах — Барнабад¹⁶, Бурнабад¹⁷, Бирнабад¹⁸, Барнабад. Оно расположено в шестидесяти километрах к западу от Герата в долине р. Герируд, на древних караванных путях, которые вели через Герат — Нишапур — Мешхед — Серахс — Мерв и в Иран, и в Среднюю Азию. Умеренный приятный климат, который отмечают путешественники¹⁹, давал возможность заниматься земледелием²⁰ и садоводством²¹, разбивать тутовые и шелковичные плантации, а на роскошных лугах разводить коней и рогатый скот²². Среди местных ремесел особо оговаривается ковроткачество²³.

По свидетельствам путешественников XIX в., селения в долине Герируда выстроены по персидскому типу — из сырцового кирпича с куполообразными крышами и множеством сводчатых хозяйственных построек²⁴. Мухаммад Риза описывает Барнабад на рубеже XVIII—XIX вв. как довольно крупное селение, имевшее укрепление (ка'а), мечеть, постоянный двор, баню, свыше двухсот дворов²⁵, а Зайн ал-Абидин Ширвани говорит, что насе-

¹⁵ Ма'ил Харави.

¹⁶ Так на английском титуле книги Ма'ила Харави.

¹⁷ Бакулин. Заметка о путях на Восток, с. 95.

¹⁸ Кульберг. Карта пограничной полосы между Россией и Афганистаном, 1888 год. Приложение к статье: П. Кульберг. Закаспийский край.

¹⁹ Зайн ал-Абидин Ширвани. Бустан ас-сийаха, с. 135.

²⁰ Л. К. Артамонов (Гератская провинция, с. 86) привел цифру валового сбора зерна с земель Гурийана в конце XIX в. — 370 тыс. пудов.

²¹ Там же, с. 122, названы культуры: яблоки, груши, айва, гранаты, вишня, персики, сливы, виноград и др.

²² Там же, с. 123. Большие стада отличных коней особой породы отмечает и Пэррэн (Perrin. L'Afghanistan, с. 43—44).

²³ Perrin. L'Afghanistan, с. 192. Ковры вывозились даже в Иран.

²⁴ Артамонов. Гератская провинция, с. 99.

²⁵ *Тазкире*, л. 88б.

ление его было по преимуществу шиитским и что многие обитатели принадлежали к племени шамлу²⁶.

По сведениям об административном делении 1835 г., Барнабад входил в один из пяти округов Гератской провинции, а именно Гурийанский²⁷.

Предки нашего автора, по его свидетельству, осели в этом районе в самом начале XV в. Родоначальником был некий Сирадж ад-дин Али, к которому в десятом колене Мухаммад Риза возводит свою родословную. Он поселился в Барнабаде по возвращении из Мекки²⁸. Было ли это только паломничество или Сирадж ад-дин долгое время жил в Мекке, откуда был он сам родом, — всего этого наш автор не знал. О причинах переезда Мухаммад Риза не упоминает. Вероятно, это было как-то связано с личностью шейха Вахид ад-дина, гробница которого на протяжении XV—XIX вв. была самым почитаемым местом в родовом гнезде семьи Барнабади. Старших в их роде из поколения в поколение хоронили возле могилы Вахид ад-дина. Именно Вахид ад-дин начал строительство пятничной мечети, подле которой разрасталось селение Барнабад. Виолне обоснованным является предположение, что Вахид ад-дин был *муршидом* — духовным наставником Сирадж ад-дина Али. При этом надо принять во внимание следующие обстоятельства.

Мухаммад Риза Барнабади неоднократно называет и себя, и своих предков *хаксарами* в двояком значении. Себя — главным образом в уничижительно-уменьшительном смысле этого слова — «нижайший, ничтожнейший, смиренный»; говоря *хаксар* о предках²⁹, Мухаммад Риза, возможно, имеет в виду принадлежность их к суфийскому ордену *хаксаров*, который, насколько известно, в этих краях пополнялся за счет провинциальной знати. Во всяком случае, он настойчиво подчеркивает мнимые или действительные добродетели своих старших сородичей, которые были обязательными для суфиев, — хадж, т. е. паломничество к мусульманским святыням Мекки и Медины³⁰, замкнутый, даже аскетический, отшельнический образ жизни, отказ от мирской суетности, богоугодная благотворительная деятельность. Это обстоятельство подводит к предположению о принадлежности Вахид ад-дина и Сирадж ад-дина к ордену *хаксаров*.

Мухаммад Риза пишет, что Вахид ад-дин приходился зятем шейху Зайн ад-дину Тайабади, духовному наставнику эмира Ти-

²⁶ Зайн ал-Абидин Ширвани. Бустан ас-сийаха, с. 135.

²⁷ Артамонов. Гератская провинция, с. 86; данные основаны на сообщении Конолли.

²⁸ Тазкире, л. 3б.

²⁹ Например, там же, л. 6а, 7а и др.

³⁰ Почетное прозвание хаджи имели помимо Сирадж ад-дина Али Акбар (1579—1673) и Абу Талиб (1641—1718); Али Акбар умер на обратном пути и был похоронен на мединском кладбище.

мура³¹. Исторические хроники времен Тимура действительно называют этого шейха одним из трех духовных покровителей, которым-де Тимур был обязан своими успехами, причем сам Тимур испытывал трепет только перед Зайн ад-дином Тайабади³². К сожалению, сведения о взаимоотношениях Зайн ад-дина с Тимуром исчерпываются описанием одного свидания, имевшего место в Тайабаде в 1381 г.³³

Зайн ад-дин умер в 1389 г.³⁴. Сочинение *Максад ал-икбал* упоминает о нем в числе других знаменитостей, похороненных в Герате до середины XV века³⁵. Возможно, что Вахид ад-дин был не только зятем, но и преемником Зайн ад-дина в качестве *муршида*. В связи с этим не исключено, что на решение родоначальника барнабадцев Сирадж ад-дина о переезде в район Герата повлияли косвенным образом и такие важнейшие события мировой истории этого периода, как смерть Тимура (1405 г.) и то, что его сын Шахрух (годы правления: 1405—1447) перенес столицу из Самарканда в Герат, который в XV в. стал средоточием культурной жизни ираноязычного мира.

По-видимому, не случаен был и выбор Вахид ад-дином, а вслед за ним и Сирадж ад-дином места для поселения. Ближайший к будущему Барнабаду город Бушендж (Бушанг, или Фушендж) в марте 1381 г. был разгромлен войсками Тимура, все его защитники перебиты³⁶. Хотя источники упоминают Бушендж и в XV в., но, по-видимому, город полностью не смог восстановиться после погрома. Томашек, Лэ Стрендж, а следом за последним Ма'ил Харави считают, что на месте Бушенджа со временем возник Гурийан³⁷. Таким образом, именно на рубеже XIV—XV вв., когда на месте будущего Барнабада обосновывались Вахид ад-дин и Сирадж ад-дин, здесь, очевидно, еще пустовали земли после нашествия тимуровских полчищ, а селения обезлюдели. Приходилось все начинать заново. Кстати, само название Барнабад, возможно, в те годы звучало как Бурна-абад³⁸, т. е. буквально «заново освоенная местность» (ср. русские Новоселки, Новгород и современные Новостройки). В этом буквальном значении названия поселения есть и еще один нюанс: Ма'ил Харави пишет, что жизнь в этой местности невозможна без ирригации, а Мухаммад Риза упоминает о прорытии каналов и арыков первыми же поколениями барнабадцев, т. е. они и в самом деле заново ее осваивали.

³¹ Тазкире, л. 4а.

³² Двое других — Шамс ад-дин Кулар и сейид Береке, см. В. В. Бартольд. Улугбек, с. 44—45.

³³ Ибн Арабшах, с. 20.

³⁴ Джами. Нафахат ал-унс, с. 326; Исфизари, л. 69а.

³⁵ Максад ал-икбал, л. 5а.

³⁶ Бартольд. Бушендж, с. 394—395.

³⁷ Ма'ил Харави, с. 1, примеч. 1. В Тазкире Бушендж и Гурийан названы в контексте, исключающем такую возможность, см. л. 4б.

³⁸ Так у Зайн ал-Абидина Ширвани с. 135.

По-видимому, уже на том этапе предки нашего автора занимали заметное положение в кругу местной феодальной знати, ориентированной на верховных правителей дома Тимуридов. Мухаммад Риза упоминает о том, что у старшего в роде из поколения в поколение хранились грамоты Тимуридов Абу Са'ида и Хусайна Байкары на имя сына Сирадж ад-дина Джалал ад-дина (вторая половина XV в.).

Хозяйственная и особенно строительная деятельность яркого представителя следующего поколения, Мухаммада Тахира, довольно подробно освещенная на страницах *Тазкире*, свидетельствует о том, что район Барнабада был, видимо, затронут бурными событиями мировой истории, связанными со становлением двух больших государственных образований — сефевидского Ирана во главе с шахом Исмаилом и узбекской Средней Азии во главе с Шейбани-ханом, однако стабилизация власти в руках Сефевидов благоприятно сказалась на росте благосостояния местной феодальной знати, в том числе рода Барнабади. Мухаммад Тахир пережил своего единственного сына и малолетнему внуку Али Акбару оставил в наследство семь селений, два пахотных участка и доходы с подземного канала, причем об этом наделе автором *Тазкире* сказано, что он был лишь частью владений Али Акбара³⁹.

Наибольшее преуспеяние владетелей Барнабада, судя по тексту *Тазкире*, связано с именами Мухаммада Аршада (1616—1708) и Абу Талиба (1641—1718). На то, что Барнабади в течение всего XVII в. занимали прочное положение, указывают грамоты шахов, которые подтверждали и расширяли ранее данные им привилегии. Но помимо богатства и знатности Мухаммад Аршад и Абу Талиб славились своим поэтическим талантом. Автор *Тазкире* пишет, что Мухаммад Аршад оставил после себя куллийат и три дивана стихотворений⁴⁰. При этом слова нашего автора о том, что произведения Мухаммада Аршада Барнабади были в те времена известны и передавались «молвой из уст в уста и в ближних и в дальних краях»⁴¹, возможно, не столь большое преувеличение, как это может показаться сначала. В своей книге Ма'ил Харави рассказывает, что в Библиотеке Астана в Мешхеде он видел рукопись, содержащую газели, руба'и, кыт'а Мухаммада Аршада, а также его масневи *Абр-и гаузарбар*. Ма'ил Харави приводит описание этой рукописи и указывает дату ее переписки — ша'бан 1091/сентябрь 1680 г.⁴²

³⁹ Текст грамоты приведен на л. 46 *Тазкире*; см. также л. 56.

⁴⁰ Там же, л. 266; в другом месте (л. 22а) автор указывает число строк — примерно десять тысяч.

⁴¹ Там же, л. 7а.

⁴² Ма'ил Харави, с. 71. Ма'ил Харави отмечает в описании, что листы рукописи расшиты, ср. выше, с. 13.

Дело Мухаммада Аршада, не имевшего сыновей, продолжил его племянник, зять и ученик Абу Талиб⁴³. Автор *Тазкире* рассказывает о том, как он собрал, привел в порядок и написал предисловие к стихотворениям Абу Талиба, насчитывавшим до шести-восьми тысяч строк на арабском и персидском языках⁴⁴.

Не занимая никакого государственного поста, Мухаммад Аршад, как равный, переписывался с властью имущими современниками — беглербеками, везирами, *мустауфи*⁴⁵. Обмен стихотворными посланиями с лицами такого ранга и тема переписки свидетельствуют об их общих интересах к литературе, что играло немаловажную роль в занимаемом барнабадскими владетелями общественном положении. В то же время это показывает нам, что, несмотря на постепенное превращение Герата в провинциальный центр, литературная жизнь и культурные традиции города продолжались.

Известности рода Барнабади способствовало и каллиграфическое искусство его представителей, которое передавалось из поколения в поколение. Многовековая традиция этого искусства к тому времени прошла длинный путь. Для бедных, но грамотных людей каллиграфия была ремеслом, дающим возможность прокормиться, для многих богатых — искусством для искусства. В роду Барнабади каллиграфией занимались в XVI—XVII вв., видимо, еще и потому, что самый процесс понимался как некое «магическое действие, связанное не только с техникой, умением и способностями мастера, но и с его духовно-нравственным обликом»⁴⁶. Вышеназванный Мухаммад Аршад был каллиграфом высокого класса, собственноручно переписавшим восемь раз Коран. В газели, сочиненной по случаю завершения переписки восьмого тома, Мухаммад Аршад, к тому времени глубокий старец (он прожил 92 года), жаловался на слабость, хилость тела, кровотокащие глаза. Ответ на вопрос, почему же все-таки он занимался этим тяжелым для его возраста делом, содержится в следующих строках:

Целью моей при переписывании является заслужить отпущение грехов;
Я надеюсь на искупление прегрешений.
Хотя я пишу через силу⁴⁷, но
Я доволен, так как пером выкупаю свою жизнь⁴⁸.

Этими словами подтверждается высказанное в научной литературе суждение о том, что на мусульманском Востоке из самого

⁴³ *Тазкире* л. 226.

⁴⁴ Там же, л. 246. Автор *Тазкире* посвящает этим двум лицам и цитированию их произведений около четверти своего труда; Ма'ил Харави — более половины книги.

⁴⁵ *Тазкире*, л. 19а — 216.

⁴⁶ Б. Н. Заходер. Введение. — К а з и А х м е д. Трактат о каллиграфическом искусстве, с. 35.

⁴⁷ Букв. «Хотя начертание букв требует напряжения».

⁴⁸ *Тазкире*, л. 22а.

процесса переписывания Корана был создан «акт, тесно связанный с религиозной догмой прощения грехов»⁴⁹.

Каллиграфом был и второй Мухаммад Аршад, приходившийся первому внучатым племянником, и другие представители рода. Обращает на себя внимание то, что наше *Тазкире* со всеми его приписками, принадлежавшими разным лицам, выполнено в одной манере письма, так что неспециалисту кажется сделанным одним человеком.

О том, что каллиграфия культивировалась в роду не только как занятие для души и что выполненные Барнабади списки представляли интерес в глазах ценителей этого искусства, так сказать, меновую стоимость, свидетельствует такой факт. В Иране, в библиотеке Меджлиса, хранится экземпляр масневи Джалал ад-дина Руми, переписанный рукой Махмуда б. Абд ас-Самада Барнабади в декабре 1703 г. с дарственной надписью сыну последнего Абд ас-Самаду [б. Махмуду]. Надпись датирована декабрем 1734 г.⁵⁰ Автор *Тазкире* не называет этого своего предка, но на генеалогическом древе, составленном мною на основании сведений *Тазкире*, имеется Абд ас-Самад, племянник вышеназванного знаменитого в роду Мухаммада Аршада старшего⁵¹. На основании сведений колофона и приписки в масневи Дж. Руми мы можем дополнить эту ветвь генеалогического древа именами сына и внука упомянутого в *Тазкире* Абд ас-Самада: сына звали Махмудом б. Абд ас-Самадом, и время его жизни приходилось, видимо, на последнюю треть XVII — первую треть XVIII в.; внука, как и деда, звали Абд ас-Самадом б. Махмудом, и время его жизни приходилось ориентировочно на последнее десятилетие XVII — первую половину XVIII в.

Политический и экономический упадок государства Сефевидов, проявившийся с особой силой на рубеже XVII—XVIII вв., отразился и на Барнабади — положение их рода пошатнулось. Автор *Тазкире* не говорит об этом прямо, но тон его изложения заметно меняется — вместо пронизанных гордостью рассказов о разных делах по благоустройству родового гнезда, копирования грамот шахов и цитирования стихов местных знаменитостей со страниц *Тазкире* звучат горестные ноты недовольства судьбой. Касаясь событий, связанных с восстанием абдали в Герате, Мухаммад Риза называет только одно имя Асадулла-хана, не приводит никаких дат⁵², но отношение богатой наследственной землевладельческой знати проиранской ориентации можно себе ясно представить хотя бы по таким его словам: «В тот период, ввиду превратностей рока и изменчивости коварной судьбы, население

⁴⁹ Б. Н. Заходер. Введение, с. 36.

⁵⁰ Текст колофона и приписки был любезно сообщен мне О. Ф. Акимушкиным.

⁵¹ Туманович. Семейная хроника, с. 182—183. Ср. ниже, с. 26.

⁵² Ср. Арунова. Гератское восстание.

этой страны постигло такое разорение и смятение, что большая часть старых родов исчезла, а проходимцы принялись вершить дела...⁵³ власть и влияние злодеев стали причиной упадка сановников эпохи и предлогом для разорения уважаемых лиц. Благородные и именитые стали презираемыми и ничтожными; великие и власть имущие оказались заточенными в келье бедствия и несчастья»⁵⁴.

Эти события затронули, видимо, в той или иной мере всех барнабдцев. Кое-кто из их родни был вынужден бежать к каджарам в Астрабад, некоторые погибли во время восстания абдали, на Барнабад была наложена контрибуция⁵⁵. Патриарху рода Абу Талибу, который последние семь лет своей жизни провел отшельником, удалившись от дел и людей, пришлось ехать в приемную Асадулла-хана с прошением о снижении суммы взыскиваемых денег. Переживания, связанные с этой поездкой, ускорили его кончину, и через три дня по возвращении в Барнабад он умер (1718 г.)⁵⁶. В этот период произошли серьезные внутренние сдвиги в самом жизненном укладе барнабдцев — они оказались втянутыми в водоворот политического переустройства страны. Во всяком случае, сын Абу Талиба Абу-л-Фатх, с молодых лет принявший на себя обязанности старшего в роде, уже не ведет созерцательный образ жизни предков, а принимает участие в завоевательных походах Надир-шаха вместе «с десятью семействами своих близких и родственников», а его жена и дети на несколько лет переселяются из Барнабада в Мешхед, подальше от восставшей «черни»⁵⁷.

Абу-л-Фатх настолько преуспел на придворной службе у Надир-шаха, что после завоевания Герата и разгрома абдали был назначен им на должность везира вилайета Бадгис⁵⁸.

В 30—80-е годы XVIII в. с утверждением власти афшаров и дуррани стабилизировалось положение и рода Барнабади; владельцы Барнабада вернулись из Мешхеда и принялись восстанавливать разрушенные во время междоусобий постройки. Но в этот период источником влияния барнабдцев было уже не только и, пожалуй, не столько землевладение, сколько важные посты в государственном аппарате. Дядя нашего автора по наследству от своего отца принял должность везира Бадгиса; отец автора в течение пятидесяти лет служил в канцелярии гератского правителя, причем поднялся по ступеням придворной иерархии до должности начальника канцелярии и одновременно везира земель *халисе*.

⁵³ Опущены стихи.

⁵⁴ *Тазкире*, л. 36а.

⁵⁵ Там же, л. 37а.

⁵⁶ Там же, л. 34а.

⁵⁷ Там же, л. 36а.

⁵⁸ Там же, л. 36б.

Новый период феодальных междоусобиц, связанных с борьбой за власть после смерти Тимур-шаха, повлек за собой крушение всех честолюбивых надежд нашего автора и разрушение родового гнезда. Автор со всей своей родней был вынужден уехать оттуда. Эпидемия холеры в начале 1829 г. нанесла последний удар Барнабаду, который с тех пор, видимо, никогда более не восстанавливался: на картах конца XIX в. на этом месте обозначены развалины⁵⁹.

* * *

Биография автора восстанавливается на основании *Тазкире* достаточно подробно. Мухаммад Риза родился 20 сентября 1751 г. в семье Мухаммада Казима Барнабади, принадлежавшего к роду наследственной земельной аристократии и исполнявшего в те годы должность начальника канцелярии (وزارت انشا) при гератском наместнике. Везиром в тот период назывался чиновник со строго ограниченными правами и обязанностями, состоявший при правителе; должность провинциального везира определялась важностью объекта заведования⁶⁰. Держа в руках всю деловую переписку, документацию по землепользованию, сбору налогов и т. п., а в дальнейшем заняв пост везира земель *халисе*, Мухаммад Казим был, конечно, одним из видных сановников в масштабах гератской провинции. (Наместником Герата в конце XVIII в. был сын Тимур-шаха — царевич Махмуд.) Поскольку должность везира обычно закреплялась за каким-нибудь родом, а преуспевание Мухаммада Казима на службе было очевидным, старший его сын Мухаммад Риза готовился с малых лет сменить отца на его постах и должностях.

Из источников более раннего времени известно, что вся сумма знаний средневековой мусульманской образованности сокращенно обозначалась выражением سر که по начальным буквам слов ک «киммо» — химия, ل «лиммо» — арифметика, геометрия и музыка, о «химмо» — алгебра, астрономия и астрология, س «симмо» — просодия и поэтика, ر «риммо» — магия⁶¹. Хотя система образования на мусульманском Востоке претерпела, по видимому, мало изменений на протяжении столетий, однако круг предметов, которым обучался Мухаммад Риза, все же заметно отступал от этого перечня. Его образование, с одной стороны, было более реалистическим (астрология, магия и музыка, видимо, исключались, зато приобретались какие-то навыки ведения хозяй-

ства, в частности, ведения бухгалтерских счетов), с другой — имело, как мы бы теперь сказали, гуманитарный уклон — вместо химии было уделено внимание изучению языков, грамматики, классической персидской литературы, каллиграфии. Из *Тазкире* неизвестно, сколько лет должен был учиться автор. Мухаммад Риза через десять лет забросил учебу и в течение примерно двух лет вел беспутный образ жизни, не обращая внимания на попытки отца наставить его на путь истинный, поскольку «был в таком возрасте, когда они никакого следа не оставляли»⁶². Чтобы пресечь это в корне, отец отправил Мухаммада Ризу из Герата в Барнабад, женил его на двоюродной сестре и приставил к делу, поручив ему должность мелкого чиновника, ведавшего сбором налогов (векил). В течение примерно двадцати лет (1770—1780-е годы) Мухаммад Риза вел привольную жизнь богатого помещика, занимаясь земледелием, садоводством, строительной деятельностью, развлекаясь соколиной охотой и прогулками по горам и степи. Помимо этого он, вероятно, иногда присутствовал на беседах, которые случались на постоялом дворе Барнабада, где останавливались и отдельные путники, и целые караваны. Как радушный хозяин он принимал в своем имении высоких гостей, а случалось, и сопровождал особо почетных из них в торжественные выезды, например на поклонение в Мешхед.

Эти годы, видимо, были самыми счастливыми в жизни автора, тем более неожиданным и страшным был резкий поворот в его судьбе, случившийся во второй половине 1792 г. В *Тазкире* рассказано, что в июне этого года отец наведаясь из Герата в Барнабад и в результате несчастного случая скончался через несколько дней⁶³.

Мухаммад Риза через неделю траура собрался было заместить отца на должности везира земель *халисе* при царевиче Махмуде, но тут из столицы Кабула на его имя был привезен высочайший рескрипт «в отношении земель *халисе* и вызова во дворец правосудия»⁶⁴. Этот вызов был связан, видимо, с финансовыми злоупотреблениями отца нашего автора⁶⁵. Царевич Махмуд под каким-то предлогом отменил поездку, а Мухаммад Риза сочинил кассиду и послал ее ко двору, надеясь уладить дело. Однако в середине 1793 г. в Герат пришла весть о кончине Тимур-шаха, который, как известно, не назначил наследником ни одного из своих двадцати четырех сыновей⁶⁶. В начавшейся борьбе за престол особенно ожесточенным было соперничество царевичей Замана и Махмуда. Вступая в эту борьбу, Махмуд нуждался в дополнительных средствах. В числе первых, на кого было наложено огромное

⁵⁹ О холере говорится в приписке к основному тексту *Тазкире*, см.

л. 0016.

⁶⁰ Петров. Поправки и дополнения, с. 110.

⁶¹ Болдырев. Мемуары, с. 213 и здесь же примеч. 3.

⁶² *Тазкире*, л. 636—64а.

⁶³ Там же, л. 606.

⁶⁴ Там же, л. 676.

⁶⁵ Гуманович. Семейная хроника, с. 179.

⁶⁶ Рштиа. Афганистан в XIX веке, с. 33.

по тем временам взыскание (5 тыс. туманов)⁶⁷, оказался Мухаммад Риза — преемник своего отца, замешанного в финансовых злоупотреблениях. Наш автор называет поименно многочисленных вымогателей, которые с этого времени постоянно появлялись в Барнабаде, чтобы получить несколько десятков или сотен туманов, но губительным для него оказалось назначение исполнителем этого распоряжения соседнего владельца Ибрахим-хана Гурийани.

Не исключено, что незнатным Ибрахим-ханом руководило чувство мстительной зависти к потомку старинного рода, который в силу обстоятельств оказался у него в руках. Возможно также, что до этих событий соотношение сил было прямо противоположным. При всех равных условиях Ибрахим-хан рассчитывал значительно приумножить свое богатство за счет родовых имений Мухаммада Ризы. В этом, по словам автора *Тазкире*, он пользовался поддержкой всесильного временщика Санда-л-хана и Заман-хана — фактического правителя Герата, под влиянием которого в этот период, видимо, находился царевич Махмуд⁶⁸.

На протяжении доброго десятка лет у Мухаммада Ризы многократно изымали деньги, имущество, разные ценности, документы на право землепользования и другие важные бумаги (векселя, счета), сельскохозяйственные продукты и инвентарь, скот, домашних слуг, нарочито уничтожали посевы, рубили в парках сосны на бревна и виноградные лозы на хворост. Применялись чем далее тем более жестокие методы вымогательства. Барнабадских владельцев подвергали побоям, пыткам, бросали в темницу. Мухаммад Риза пишет, что такая же участь постигла и многих других зажиточных людей. Налоговый гнет охватил все слои населения. В *Тазкире* упомянуто о специальной фетве, провозглашенной на предмет всенародного обложения подушной податью в две тысячи туманов, — «с каждого брали сполна деньги — со всех людей, проживающих как в селениях и вилайетах, так и на окрестных кочевьях, не освобождая ни одного от уплаты этой суммы»⁶⁹. И в другом месте: «И никто не остался в стороне от бесчисленных вымогательств — ни женщины, ни мужчины, ни близкие, ни далекие, ни мусульмане, ни индийцы, ни армяне, ни евреи, ни крестьяне, ни торговцы, ни ремесленники, ни путешественники — все были разорены, ни один человек не избежал такой же участи»⁷⁰.

В борьбе за Герат в это время участвовали отряды царевичей Замана, Махмуда, Фируз ад-дина, Кайсара, Камран-мирзы, Малика Хусайна и войско, посланное Каджарами из Ирана. Перевес оказывался то на одной, то на другой стороне. Заман-хан

⁶⁷ *Тазкире*, л. 696.

⁶⁸ Характеристику Махмуда как личности ср. Р и ш т и я. Афганистан в XIX веке, с. 43.

⁶⁹ *Тазкире*, л. 766.

⁷⁰ Там же, л. 736.

довко лавировал в этой сложной ситуации. На протяжении нескольких лет он, видимо, удерживал в своих руках власть в Герате и переметнулся от царевича Махмуда к царевичу Заману как раз накануне поражения первого и вынужденного его бегства в Иран⁷¹. Столь же изворотлив был и Ибрахим-хан, стоявший на ступеньку ниже Заман-хана на социальной лестнице. К началу XIX в. он завладел большей частью движимого и недвижимого имущества барнабадских владельцев. Мухаммад Риза смог противопоставить его натиску только жалобы (преимущественно в виде касыд) на имя то одного, то другого претендента на роль гератского наместника да подкупы — взятки различным сановникам при них. Все более разоряясь, он метался по замкнутому кругу: из Герата в Турбат, Мешхед, Барнабад и снова в Герат. Он писал: «Видя... разрушение опустошенных поместий и то, что ни единый человек не насурьмил моих умоляющих глаз драгоценной палочкой для сурьмы, сулящей надежду, что ни на одной лужайке бутон моих грез не расцветал под ветром желаний, я провожу большую часть времени в отдаленных вилайетах, обивая пороги в привратничьих неблагоприятных людей и мяса кулаком ветер»⁷².

Какое-то, очевидно непродолжительное, время он служил при царевичах Малик Хусайне и Мухаммад Вали-мирзе в Мешхеде. По словам Мухаммада Ризы, он давал уроки и писал письма⁷³, т. е. занимал должность секретаря и учителя каллиграфии.

Бывая наездами в Барнабаде и наблюдая за разрушением родового гнезда, он решил в назидание потомкам рассказать о прошлом своего знатного рода и настоящем, чему он являлся свидетелем. Мухаммад Риза приступил к составлению *Тазкире* в 1806 г. и на протяжении по крайней мере пяти лет посвятил ему много времени и сил, хотя условия для работы не были подходящими, так как именно в эти годы он часто бывал в разъездах. Возможно, что вплоть до кончины (август — сентябрь 1815 г.) он время от времени дополнял, переписывал и пересказывал свое *Тазкире*, но так и не успел придать ему завершённую форму⁷⁴.

* * *

В «Памятных записках» много имен, в том числе родственников автора. Разобраться в степени родства особенно сложно из-за того, что из поколения в поколение встречаются люди, которых звали одинаково. Составленное нами генеалогическое древо авто-

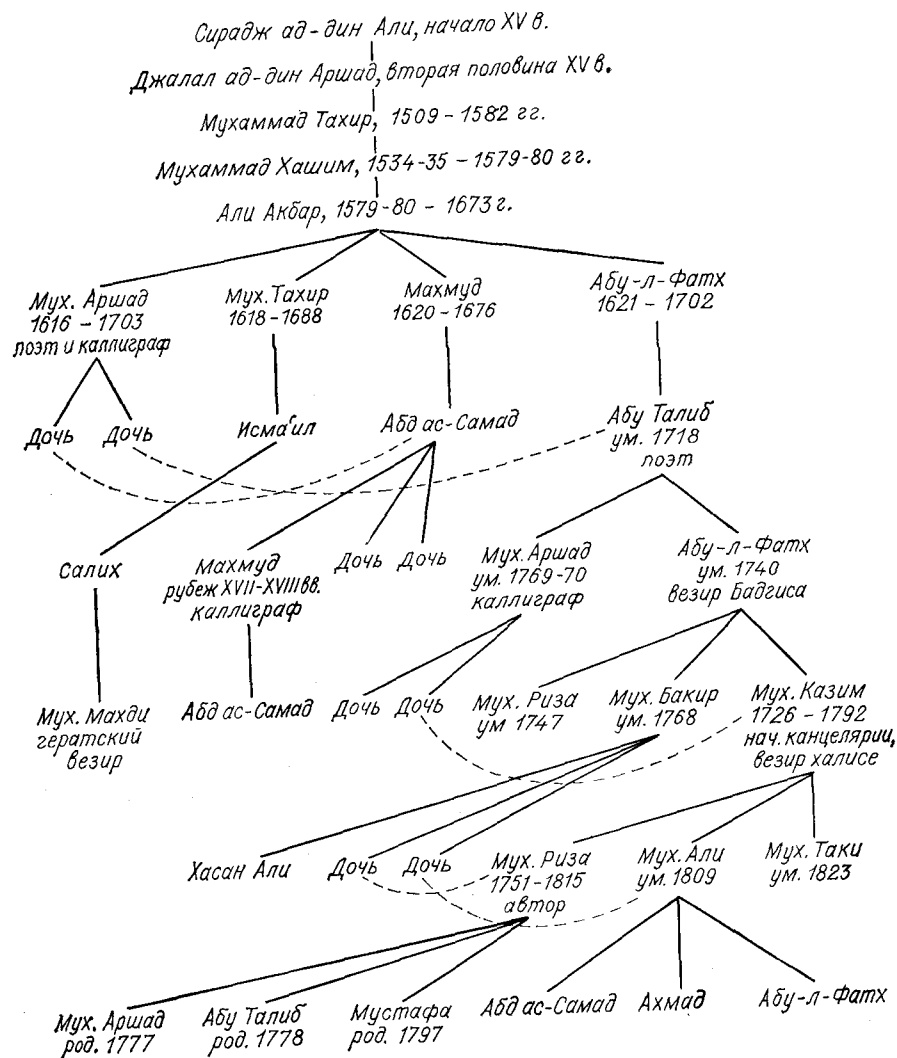
⁷¹ Махмуд не простил этого предательства и на пути к престолу приказал казнить Заман-хана во время своего недолгого пребывания в захваченном Герате в 1800 г.

⁷² *Тазкире*, л. 1016.

⁷³ Там же, л. 946.

⁷⁴ Ср. Туманович. Семейная хроника. Дата смерти Мухаммада Ризы названа племянником в приписке на свободном листе рукописи. В книге Ма'ида Харави есть фотография надгробия (с. 69).

ра *Тазкире* может до некоторой степени облегчить эту задачу. (Пунктирные линии на схеме связывают лиц, состоящих в браке.)

Тазкире написано хорошим слогом, в традиционной манере поэтическим словом пояснить мысль, выраженную прозой. Автор свободно владел персидским литературным языком. Отдельные пассажи свидетельствуют о желании блеснуть изысканной образностью и красноречием. Помимо стихотворений и писем таковы, например, философские размышления о смысле жизни или предисловие к собранию поэтических сочинений мирзы Абу Талиба Барнабади⁷⁵. Мухаммад Риза нередко использует синонимы, встречаются прозаические строки, имеющие определенный ритм. Излюбленный прием автора — игра понятиями. Например, сравнение своего недруга Ибрахима Гурийани с Заххаком. Здесь одновременно обыгрываются два момента: и традиционный образ Заххака — злобного тирана, сына дьявола, и то, что Заххак считался выходцем из горных районов Гура, как и Ибрахим-хан. Говоря о бедствиях, выпавших на его долю в период междоусобий, Мухаммад Риза упоминает город Кербелу, намекая тем самым на события, связанные с гибелью наиболее почитаемого шиитами имама Хусайна. При этом слово Кербела он пишет не слитно, а в виде двух слов *كرب* и *بلا*, означающих «горе» и «скорбь», что дает возможность дополнительного толкования намека. Мухаммад Риза заботился и о графической красоте текста. В некоторых строках подобраны слова с таким расчетом, чтобы выделить в буквах вертикали — *ح ا ل* либо росчерки-горизонталы *س ص ی*. Встречается и такой прием — дважды написанные слова. Графически это выглядит как ошибка, повтор, но повторяющиеся слова подобраны с учетом их совершенно различных значений, например *دوان-دوان*, где первое — «мерзавцы», а второе — «два хлеба»; *درهم-درهم*, где первое — «дирхем», а второе — что-либо находящееся в беспорядке.

В *Тазкире* встречаются оригинальные для персидского текста выражения и термины. Так, Мухаммад Риза неоднократно пользуется выражением *زمان ابنای زمان* — букв. «сыновья времени», что в одних случаях соответствует русскому понятию «временщики», а в других — «современники». Это выражение нам не встречалось в других сочинениях. Столь же необычно для персидского текста словосочетание *احوی المقان* — «брат по должности»; переводим его как «собрат по [занимаемому] положению».

Термин *хавали* в персидском языке означает «окрестности», в *Тазкире* он употребляется в смысле, соответствующем русскому «подворью»; *сардаба* — «подземное водохранилище», здесь — в значении «склеп»; слово *дарб-хана* в персидских словарях не отмечено, в *Тазкире* им обозначается «прихожая». Постоянно употребляющиеся нашим автором термины *заудж* и *навваб* неперсидского происхождения.

⁷⁵ *Тазкире*, л. 246.

Следует отметить и еще одну особенность текста *Тазкире*. При перечислении цен на товары и понесенных убытков Мухаммад Риза пользовался *сияком* — особой системой знаков счисления, употреблявшейся в странах мусульманского Востока в бухгалтерском учете. Принцип *сияка* близок современной стенографии. Для прочтения этих знаков мне пришлось обратиться за консультацией к специалистам.

* * *

Перевод «Памятных записок» сделан нами по единственной имеющейся в СССР рукописи С 402 собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии Наук СССР. Основной принцип перевода — сохранить все написанное автором сочинения Мухаммадом Ризой Барнабади. Эта оговорка существенна, если принять во внимание, что на страницах «Памятных записок» Мухаммад Риза переписал ряд поэтических произведений своих предков. Такие произведения, не являющиеся органичной частью *Тазкире*, при переводе нами опущены, тем более что Ма'ил Харави, как уже было упомянуто, посвятил свою публикацию именно поэтическому творчеству предков Мухаммада Ризы⁷⁶.

В заключение считаю своим долгом выразить признательность всем, кто своими советами, замечаниями, консультациями, предложениями более удачных переводов оказали мне помощь в работе, особенно А. Г. Самади, О. Б. Фроловой, А. С. Боголюбову. Неоценимым для меня было содействие в дешифровке знаков *сияка* со стороны А. Д. Папазяна.

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

---

⁷⁶ См. выше, с. 15.

سلسلہ آثار ادبی
ملل خاور

۶۶

تذکرہ
محمد رضا برنابادی

چاپ عکسی از روی نسخہ خطی
ترجمہ بروی پشت گفتار و وحاشی
بسی و اتمام ن. ن. تو مانویج

ادارہ انتشارات دانش
شعبہ ادبیات خاور

مسکو ۱۹۸۴

آکادمی علوم اتحاد شوروی

شبهه تاریخ

*

انستیتوی خاورشناسی

دارای نشان علم سرخ کار